Интернет против Телеэкрана, 19.07.2007

Плюралистическая репрессивность

Третья и последняя статья цикла «Инферногенезис». Начало в статьях «Истоки современной западноевропейской цивилизации» и «Системный кризис западной цивилизации».

Скрытая власть

Все вышесказанное в предыдущих статьях позволяет сделать существенный и ключевой в рамках настоящей работы вывод: переход к постмодерну НЕ ЯВЛЯЕТСЯ пересмотром, отвержением или преодолением тенденций, заложенных в модерне. Напротив, все те тенденции, которые были заложены в модернистской цивилизации, в постмодерне доведены до своей полной реализации. Пересмотр в рамках постмодерна модернистских парадигм связан исключительно с тем, что модерн (европейская цивилизация Нового Времени) несмотря и вопреки собственным тенденциям сохранял еще определенную преемственность христианской цивилизации. Ошибочно рассматривать европейскую цивилизацию Нового Времени как некое стабильное или квазистабильное состояние; напротив, ее следует рассматривать как непрерывный и ускоряющийся процесс распада традиционного общества. Постмодернизм – это не распад и кризис модерна, как это принято считать, а лишь точка, в которой процесс распада традиционных институтов и традиционного мировоззрения достигает своей завершенности. Отсюда важный и существенный вывод: сопротивление и противостояние постмодернистскому хаосу возможно только с опорой на Традицию, но никак не на установки модерна.

Кажущаяся «революционность» постмодерна, мнимый разрыв преемственности с тенденциями модернизма связан исключительно с фактом завершения процессов (и в этом смысле – с завершением истории и вхождением в состояние постистории). Достигает своей завершенности глобализация. С переходом к информационному обществу достигает своей завершенности индустриальный прогресс. Достигает своей полноты и логических пределов тенденция «демократии» или, точнее говоря, либерального эгалитаризма, всеобщего равенства.

Выход из цивилизационного кризиса **не изменил базовых параметров** западной, или, точнее сказать, всемирной вестернизированной цивилизации. А именно:

1. Демократической, эгалитаристской парадигмы. Принципиального доминирования количества над качеством.

2. «Избыточного» принципа производства – не для удовлетворения естественных потребностей, а для неограниченной максимизации прибыли.

3. Технократического характера общества, отчуждения общества от природы, личности от общества, труда от трудящегося.

4. Колониального устройства мира.

5. Классового неравенства и эксплуатации человека человеком.

Говоря о возникновении западной цивилизации Нового Времени, мы отмечали, что ключом к пониманию всех ее частных тенденций является отвержение, отрицание или игнорирование надындивидуального, надчеловеческого уровня – отвержение (сначала прикрытое, а затем и явное) идеи Бога, а, следовательно, и высших по отношению к тварной (эмпирической) природе принципов, существование которых и обуславливает органическое и иерархическое единство природы, культуры, социума и самого человека как личности. Отвержение этих принципов немедленно и закономерно привело к утрате объединяющего начала различных сфер бытия, к автономизации, а затем и фрагментации каждой из этих сфер. Однако и продукты этого распада, такие как, например, естествознание, светское искусство, рациональная философия, утратив высшую и внешнюю по отношению к себе санкцию, сами в свою очередь не могли не дробиться, ибо те парадигмы и каноны, которые удерживали их единство, были производными от отвергнутых метафизических принципов. По мере того, как это обнаруживалось, они лишались основания. Именно таким образом самодискредитировалась мифологема «объективных законов природы», точно также сам разрушил себя эстетический канон светского искусства.

«Расцвет» светской живописи, скульптуры и литературы на самом деле отражал и выражал глубокую деградацию, профанацию и обессмысливание культуры. Даже чисто в эстетическом смысле этот «расцвет» был связан лишь с безжалостной эксплуатацией и растратой того духовного потенциала, который содержался в традиционной органической культуре. Разрушение органичности и целостности культуры привело к единовременному высвобождению заключенных в ней богатств. Но это высвобождение привело к истощению, а затем – и к вырождению. При всем кажущемся эстетическом контрасте скульптура и живопись Возрождения имеют прямое родство с дегенеративным «искусством» современных эрнстов неизвестных и церителли, а убожество постмодернистской поэзии – это закономерный финал деградации литературы, начавшийся с эпохи лжеименного «золотого века».
Суть этой деградации – в освобождении от канона, в понимании свободы, как свободы самовыражения, свободы критики, свободы отрицания и релятивизации всех законов. И если «освобождение» начинается под лозунгом «освобождения разума» и «освобождения чистой эстетики» от ярма догм и канонов, то развитие этого процесса закономерно приводит к «освобождению от разума» и «освобождению от эстетических норм», ибо разум или «чистая эстетика» и сами по себе представляют ограничение свободы индивидуального самовыражения. То же самое освобождение мы наблюдаем в общественной и политической сфере. Сначала происходит рационализаторская

десакрализация власти. Но это приводит к утрате органической целостности, к расчленению целого на совокупность механически взаимодействующих элементов. Сложное внутреннее устройство традиционного общества с присущими ему сословиями, корпорациями и глубокой очеловеченностью и органичностью всех социальных институтов начинает рассыпаться. Индивидуум, «освобожденный» от пут традиции, сословия и корпорации обезличивается и превращается в атомарный элемент человеческой массы, уравненный в своих правах, обязанностях и базовых социальных функциях с любым другим таким же элементом. Возникает феномен «народных масс», неизвестный традиционным обществам. Если в традиционном обществе индивидуум органически встроен в свою строго индивидуальную и по-своему уникальную социальную нишу, то освобождение от такого рода ниш и порождает массу, выходящую начиная с 19 века на арену истории в форме массовых армий, массовых производств и т.д. Школьное образование, армия, производство, юриспруденция, средства информации – все основные социальные институты приобретают функции выравнивания, стандартизации, синхронизации и нивелировки всякого качественного индивидуального отличия.
Отражением и выражением этих тенденций становятся мифологемы демократии. Отметим, что под словом «демократия» (буквально - народовластие) можно понимать две прямо противоположные идеи. Это может быть власть народа как цельного иерархически организованного организма. И это может быть мифологема власти арифметического большинства отчужденных атомарных индивидуумов. Первый вариант «демократии» отражает традиционное или, по меньшей мере, традиционалистское мировосприятие – и в этом плане большевизм правомерно может рассматриваться как движение консервативно-охранительное, антимодернистское по своей сути. Второй вариант трактовки «демократии» отражает антитрадиционный, модернистский (а в своем пределе – постмодернистский) идеал. Именно о такой либеральной демократии, демократии отчуждения как специфическом феномене западной цивилизации и пойдет речь.

Мифологема либеральной демократии построена по механицистскому, рационалистическому сценарию. В ее идеале принятие всех значимых политических решений происходит путем простого суммирования атомарных голосов. Власть же выступает в роли наемного менеджера, исполняющего волю большинства. В реальности такая система оборачивается властью скрытых элит, управляющих посредством манипуляции сознанием. В рамках традиционного общества правящие элиты выступают как часть органического целого, они наделены легальным правом говорить и принимать решения от лица всего народа (этноса, племени, общины); именно поэтому они не нуждаются в механизмах манипулирования и не используют их. Напротив, либеральная демократия неизбежно порождает власть тайных элит [1], так как сама идея власти и управления предполагает иерархию. Социальная иерархия неизбежно порождается фактическим и неустранимым неравенством людей (неравенством интеллекта, мотиваций, волевых качеств, темперамента, пола, возраста и т.д., не говоря даже о неравенстве социального происхождения). Если эта

иерархия выведена за рамки явного и формального институирования, то она реализуется в неявных и неформальных формах.

Как это ни странно на первый взгляд, но в традиционном обществе индивидуум, жестко встроенный в структуру своей корпорации, оказывается гораздо более защищен и даже наделен многократно большими возможностями влияния на общественные процессы – хотя бы благодаря своей вовлеченности в вертикальные и горизонтальные социальные связи. Явная элита, обладающая легальным правом власти, оказывается гораздо более контролируемой со стороны народа в целом: как в силу своей явности, так и в силу корпоративной организованности общества. Сословно-корпоративное общество имеет достаточно действенные рычаги «обратной связи». Крестьянская община или купеческая гильдия в силу своей социальной организованности и структурности может отстаивать свои корпоративные интересы и выдвигать лидеров, опираясь при этом на авторитет традиции, с которым правящая элита вынуждена считаться. Напротив, человек обезличенной народной массы, «освобожденный» от рамок традиции и жесткой встроенности в сословно-корпоративные структуры, оказывается совершенно беззащитен перед лицом управляемого хаоса толпы. В отличие от структурированных корпораций, способных к рациональному осознанию своих интересов и к организованному действию, толпа бесструктурна, ее реакции чисто эмоциональны, легко прогнозируемы и управляемы. Власть скрытых элит основана на бесструктурности общества. Чем ниже уровень сословно-корпоративной структурности, чем выше социальная мобильность – тем больший простор открывается для управления путем манипулирования, управления гораздо более самовластного и бесконтрольного по сравнению с властью традиционных аристократических элит, ибо оно осуществляется не в интересах целого, а в интересах самой скрытой элиты и в условиях деструкции всех традиционно-корпоративных механизмов обратной связи. Чем большее развитие получают процессы распада социальной органичности, тем более совершенствуются механизмы манипулирования и возрастает роль и власть тайных элит. Здесь мы подходим к важному моменту. Все те процессы общественной дезинтеграции, которые определяли сущность истории Нового Времени, и полная реализация и завершение которых знаменовали собой переход к постистории и постмодерну, до сих пор рассматривались нами отвлеченно – как безличные или «объективные». Теперь мы видим реальную силу, заинтересованную в этих процессах, сознательно участвующую в их реализации и, если не управляющую ими, то, по меньшей мере, направляющую и корректирующую их ход. Отметим, что мы вовсе не имеем намерения свести содержание всех описанных нами процессов и тенденций к реализации заранее подготовленного плана всевластного и всепроникающего «масонского заговора». Мы имеем в виду лишь то, что объективный исторический процесс неотделим от своего воплощения в действиях конкретных групп и социальных сил с присущими им интересами, формами и стереотипами поведения. И в этом смысле всякий исторический процесс (в отличие от физического явления) имеет две стороны: «объективную» (с точки зрения причинно-следственных связей и

детерминизма предыдущими процессами и состояниями) и «субъективную» или «телеологическую» (с точки зрения целей и проектов тех социальных групп и даже отдельных личностей, деятельность которых составляет данный исторический процесс). Бессмысленно и непродуктивно ставить вопрос о том, организованы ли были процессы модернизации заинтересованными в них тайными элитами или же сама закономерность модернизации вызвала к жизни эти элиты и предопределила их деятельность. Это вопрос о первичности курицы или яйца. Будем исходить из того, что оба взгляда являются правомерными и взаимно дополняют друг друга.

Несмотря на предельную (и сознательную!) окарикатуренность идеи «масонского заговора», трудно отрицать очевидный факт, что за всеми без исключения революциями и выступлениями масс стояли определенные влиятельные группы, в большинстве случаев неформальные и оставшиеся в тени или, по меньшей мере, в полутени. Бессмысленно было бы отрицать, что идейная почва для французской революции была подготовлена деятельностью очень немногочисленного, но очень влиятельного круга деятелей Просвещения, бессмысленно было бы отрицать роль и вклад масонских лож в организацию кризиса «старого порядка» и выступления народных масс. Точно также нелепо было бы отрицать роль масонства в разрушении Российской Империи, особенно приняв во внимание, что Временное правительство полностью состояло из масонов, и они же контролировали практически весь спектр политических партий. Этот факт вовсе не снимает вопроса об объективных идеологических, политических, экономических и социальных причинах и предпосылках кризиса, но и его игнорирование существенно исказило бы картину событий. Можно ли, исследуя современное общество, считать незначительными и исключать из рассмотрения такие факторы как формирование общественного мнения средствами массовой информации, PR-технологии, нейро-лингвистическое программирование? Очевидно, что именно эти факторы определяют всю структуру управления обществом.

Процессы дезинтеграции общественного сознания и общественного бытия, рассмотренные нами с их объективной стороны, составляют основу власти правящей политической элиты (имеем в виду не публичных политиков-шоуменов, а технократическую закулису – инженеров массового сознания). В условиях практически полностью завершившейся глобализации эта элита также достигла свой завершенности в качестве «мирового правительства» (Римский и Бильденбергский клубы, Комитет 300, Трехсторонняя комиссия и т.п.). Следовательно, логично и естественно ожидать, что «мировое правительство» будет использовать всю мощь сосредоточенных в его руках ресурсов власти для окончательного и бесповоротного завершения этой самой социальной дезинтеграции и атомизации общества и общественного сознания, для ликвидации последних очагов социальной или идейной самоорганизации.

Вся та многоплановая социальная и культурная реальность, которая описывается культурологами (и была описана в предыдущей главе нами) как постмодерн, оказывается целенаправленным цивилизационным проектом, реализуемым правящей мировой элитой для максимизации своей власти через максимизацию средств

манипулирования сознанием.

Плюралистическая репрессивность [2]

Одной из центральных, фундаментальных мифологем, целенаправленно и настойчиво внедряемых в массовое сознание, является мифологема тоталитаризма. Анализ данного понятия категорически табуируется императивами постмодерна: разоблачение одной из центральных мифологем поставило бы под угрозу всю структуру теневой власти. Именно поэтому, понятие тоталитаризма надежно защищено общественными табу: тоталитаризм = фашизм = ГУЛАГ = холокост = газовые камеры. Дальше анализ запрещен: это кощунство [3]. Неслучайно центральным демонизированным понятием стал именно фашизм, а не нацизм: хотя в плане геноцида и степени репрессивности исторический фашизм далеко отстает от «достижений» нацизма, но в идейном плане он полнее выражал суть тоталитаризма (понятие «тоталитаризм» введено в оборот самим Бенито Муссолини как характеристика его режима). Итак, нам представляется возможность проанализировать и понять механизм манипуляции сознанием на этом частном, но чрезвычайно важном примере.

Шаг первый. Что такое тоталитаризм в своей исходной идее? На уровне отвлеченной идеи это цельность, наличие органического единства, факт несводимости целого к простой совокупности взаимодействующих частей, качественный онтологический и аксиологический приоритет целого над частным. В частном применении к социуму – это восприятие общества / народа, как органической сущности, не сводимой в своем качестве к взаимодействию индивидуумов; единого целого, обладающего своими собственными законами и векторами развития, качественно отличающимися от интересов составляющих его индивидуумов. Иными словами, это признание надындивидуального, надличностного и супрарационального уровня, а, следовательно, и иерархии мироустройства. Очевидно, что любое традиционное общество в этом смысле тоталитарно, но далеко не всякое тоталитарное общество традиционно.

Шаг второй. Что такое «фашизм»? Фашизм – это совершенно конкретное политическое итальянское движение первой половины 20 века. Явление, неотделимое от своего исторического контекста: завершающей империалистической фазы развития капитализма, кризисов перепроизводства, классовых антагонизмов и перспективы неизбежного столкновения ведущих мировых держав при переделе колоний. Даже распространение понятия «фашизма» на все буржуазно-империалистические европейские диктатуры (германский нацизм, испанский фалангизм и франкизм, румынский гвардизм и т.д.) уже исторически некорректно, не говоря о его распространении на социалистические диктаторские режимы. Но пусть даже так: рассмотрим феномен европейского тоталитаризма 20 века во всей полноте. Имел ли он отношение к традиционному обществу? Весьма косвенное и опосредованное: только в том смысле, что в условиях глубочайшего экономического и политического кризиса правящий класс вынужден был сделать лишь шаг назад от идей либеральной демократии к социальному и цивилизационному холизму. Но этого

совершенно недостаточно для того, чтобы считать фашизм, или европейский тоталитаризм в целом явлением сколько-нибудь родственным традиционному обществу. Европейский тоталитаризм 20 века был построен на сугубо модернистских и весьма высоко развитых методах манипуляции сознанием с помощью средств массовой информации и массовых шоу. Он, как и любое модернистское общество, опирался на толпу, на атомизацию и обезличивание индивидуума, на разрушение традиционной сословно-корпоративной общественной структуры. В традиционном обществе фашизация (в частности, фашизация молодежи) попросту невозможна, ибо семейные, родовые, корпоративные структуры эффективно препятствуют образованию обезличенной массы или толпы, а, следовательно, и распространению эмоциональной экзальтации и массовой истерии. Европейский тоталитаризм 20 века – это такое же кризисное состояние, как и тирании Древней Греции – оба феномена напрямую связаны с разрушением традиционных общественных институтов, в том числе с вырождением или насильственным уничтожением подлинной родовой аристократии.

Шаг третий. Каков уровень репрессивности европейского тоталитаризма? Манипуляторы массовым сознанием немедленно приводят примеры нацистских лагерей смерти и сталинского ГУЛАГа, а также сваливают на тоталитаризм развязывание мировой бойни. Здесь совершается сразу целый ряд подмен:

1. Не тоталитаризм породил войну и репрессии, а логика развития капитализма привела к неизбежности войны за передел мира, а, следовательно, и военной мобилизации наций, что и породило феномен тоталитаризма (или «фашизма» в широком смысле слова). Манипуляторы сознанием попросту меняют местами причину и следствие.
2. Как идеология, так и практика тоталитарных обществ была напрямую выпестована модернистской цивилизацией – начиная от колониального евроцентризма, обернувшегося расизмом, и заканчивая конкретными технологиями манипуляции массовым сознанием.
3. Далеко не все формы тоталитаризма отличались высоким уровнем внутренней репрессивности и внешней агрессивности. Например, салазаровский режим в Португалии не был замечен ни в том, ни в другом. С другой стороны кровавая вакханалия т.н. Великой Французской Революции наглядно демонстрирует, что и репрессивность, и агрессивность могут достигать своих крайних пределов и при демократии. Военные преступления демократических США в ходе многочисленных войн (вплоть до последней войны в Ираке) ничуть не уступают военным преступлениям тоталитарных режимов.
4. Более традиционные формы тоталитаризма (в частности, диктатуры, опиравшиеся на христианский консерватизм и традиционализм) проявили гораздо меньшую репрессивность, в то время как дикие эксцессы террора характерны как раз для наиболее авангардистских режимов (в частности, идеология нацизма целиком построена на сугубо модернистской и даже почти постмодернистской оккультной доктрине).

Вывод: **никакой логической или исторической связи между степенью холичности (закрытости) общества и степенью его репрессивности не существует**. Более того, кровавые эксцессы 18-20

веков напрямую связаны с логикой модернизации и разрушения традиционных общественных институтов.
Но мифологема на то и мифологема, чтобы работать на иррациональном уровне: любое утверждение принципов холизма (особенно в социально-политической сфере) немедленно подвергается шельмованию как «фашизм» [4]. Любой, кто провозглашает принцип социального холизма и отрицает либеральную доктрину изолированного индивидуума, свободно-рыночной экономики и парламентской демократии, немедленно признается нарушителем принципа толерантности, на которого, следовательно, этот принцип уже не распространяется. Следовательно, исповедание «фашистских» взглядов само по себе преступно и должно быть наказуемо (хотя бы на неформальном уровне общественного осуждения и бойкота), а уж их публичное высказывание и пропаганда должны преследоваться в уголовном порядке. Иными словами, репрессивность плюралистического общества не меньше, чем репрессивность общества тоталитарного: свобода мысли в обоих случаях признается лишь за теми, кто соглашается пользоваться ей «правильно», то есть так, как предписывает репрессивная система.
Разница лишь одна: в обществе тоталитарной репрессивности ограничение свобод личности определяется некими сверхличностными и сверхприродными (идеальными) целями Системы (общества, государства, нации) как целого. В обществе же репрессивности плюралистической мотивацией для не менее (а на самом деле гораздо более, что будет показано ниже) существенного ограничения мировоззренческой свободы личности выступает… необходимость защиты свобод этой самой личности от демонического призрака «тоталитаризма». Со стороны рационального анализа эта структура столь уязвима, что кукловоды плюралистической репрессивности вынуждены предпринимать превентивные меры **и по-возможности подрывать самую способность к критическому рациональному анализу**.
Теперь посмотрим, где же обнаруживается «тоталитаризм»? Оказывается, в любом принципе, претендующем на универсальность. Любой принцип – онтологический, гносеологический, аксиологический, этический, эстетический – подвергается безусловной (так и хочется сказать – тотальной!) релятивизации, и любое сопротивление ей рассматривается как проявление и угроза «фашизма». Ведь любой принцип, претендующий на всеобщность своего проявления, а тем более на абсолютность, выходящий из плоскости релятивизма, несет в себе потенциал холизма, возможность привязки всех остальных категорий к нему. А холизм – это почти синоним тоталитаризма (вернее сказать, тоталитаризм – есть частное проявление холизма применительно к обществу). Но всем понятно, что тоталитаризм в мышлении, в науке, в искусстве не может не породить угрозу тоталитаризма и в сфере социально-политической. А значит… Любая возможность каких-либо установок, претендующих на всеобщность или абсолютность, должна быть исключена. Отсюда и все перечисленные нами выше характеристики постмодернизма как стиля.
Каковы перспективы плюралистической репрессивности? Вкратце можно сделать следующий прогноз. По мере развития новой системы репрессировано будет все, что, так или иначе, несет в себе следы

холизма, черты универсальности, всеобщности, закономерности, иерархичности. Первое, самое яркое и выраженное проявление метафизического мироощущения, на которое, очевидно, будет направлен репрессивный удар «сетевой» цивилизации – это традиционная религия. Христианство и Ислам предельно полно выражают в себе антитезу плюралистической цивилизации (Бытие Творца-Создателя, наличие абсолютной Истины, реальность, осмысленность и единство мира, сводимость всех частных законов и всякого частного бытия к единому Принципу, непреложность и абсолютность аксиологических и этических категорий, органическая иерархичность мироустройства, принципиальная уникальность каждого явления – стало быть, невозможность и противоестественность равенства). В категориях плюралистической цивилизации это «фашизм» - абсолютное зло без дальнейшей рефлексии.

«Новая религиозность» (New Age) должна стать религиозностью релятивной, политеистической, синкретической и игровой – в соответствии с духом времени. New Age – религиозность смутная, интуитивно-сентиментальная, постмодернистски «соскальзывающая», по определению лишенная догматов и рационального богословия, допускающая «свободомыслие» - то есть право на практически любые мнения и сомнения. Не допускающая только одного – утверждать Истину [5]. Если слово «Истина» пишется с большой буквы – значит все остальное ложь. Поэтому любое слово об Истине с точки зрения плюралистической репрессивности – есть ущемление и диффамация всех остальных точек зрения, проявление «расизма» и нарушение центрального принципа политкорректности, толерантности и всеобщего равенства, стало быть «фашизм». А фашизм по определению выходит за поле толерантности и терпим быть не может. Следовательно, репрессии против религии получают «законную» санкцию.

По-видимому, императив «новой религии» будет выглядеть таким образом. Каждый имеет право высказывать любое мнение по «религиозным» вопросам, дополняя его декларацией того, что это его личное мнение, не претендующее на Истину и равноправное любому другому мнению. Любое частное мнение будет терпимо (в качестве частного мнения), но категорически будет уничтожаться догматика и канон, а, следовательно, и границы конфессий. Уничтожаться будет именно **понятие** православия или правоверия, а любое нововведение будет всячески поощряться. Конечная цель – полное уравнение всех возможных мнений и полная атомизация религиозной жизни: на каждого индивидуума – отдельная религия, а лучше даже несколько разных религий, которые можно менять в зависимости от текущей социальной роли или просто настроения [6].

От христианина не потребуют отречения от Христа, о нет. От него потребуют ***только*** признать Его принципиальное равенство с Буддой, Сварогом, Изидой, африканскими духами и... антихристом (ведь сатанизм – в плюралистическом обществе столь же законная конфессия: в США уже сейчас есть официальные сатанистские капелланы в армии!). И в знак проявления своей лояльности и политкорректности публично почтить весь «пантеон». Вполне в духе Древнего Рима: личной веры никто не потребует, потребуют

совершения знакового обряда, означающего лояльность. Отказ будет означать признание своей нетолерантности, нарушение политкорректности и, следовательно, «законные» репрессии.
Этим, впрочем, дело не ограничится. Вслед за религией «обновлены» в том же духе (то есть, очищены от «фашизма») будут и иные формы сознания. Прежде всего – наука и философия. Философия в «классическом» понимании (как рациональное познание мира в общих и всеобщих категориях), очевидно, тоже не вписывается в каноны Нового Мирового Порядка. По понятным причинам из нее должны будут быть вычищены «фашистские» разделы, несущие черты всеобщности и вневременности – онтология, гносеология, логика, аксиология, этика. «Философия будущего» должна стать такой же «соскальзывающей» игрой смыслов, где-то в границах философской литературы, философских афоризмов, психоанализа, фрагментированной социологии, разнообразных «–софий» (теософии, антропософии, историософии, социософии), культурологии и релятивизированного морализма.
Наука уже сейчас вступила в эпоху «постмодернизма». Если в рамках «модернистской» культуры Нового времени естествознание настойчиво вторгалось со своими методами и своим мировоззрением в сферу гуманитарных наук, то сейчас ситуация изменилась на противоположную. Достижения науки стали в итоге восприниматься не как объективное знание о мире и его неизменных законах, а как продукт конкретной культуры и цивилизации. То есть буквально: атом существует не «вообще в природе», а в культуре научного мышления определенной эпохи. Куновская концепция определяет понятие научной истины как «соглашение научного сообщества»: научная истина понимается уже не как некое «объективное знание о мире», а как продукт самоорганизации ученого сообщества, едва ли не побочный продукт социального взаимодействия.
Если в парадигмах Нового времени «научная истина» выступала хотя и в качестве относительного знания, но базирующегося на твердом фундаменте «неизменности законов природы» и «воспроизводимости эксперимента», и потому в известной мере обладало качествами объективности и всеобщности, то при переходе к постмодернистской картине мира эти качества утрачиваются. «Истина» привязывается исключительно к консенсусу сообщества, а, стало быть, релятивизм выходит на качественно новый уровень, и «относительное» теперь понимается не в отношении к «абсолютному», а в отношении к другому «относительному». Все такого рода связки становятся исключительно горизонтальными и равноправными.
Следовательно, возникает возможность альтернативных научных истин (не теорий или концепций – а именно истин) в рамках альтернативных научных сообществ. Вот база, в частности, для той же фоменковской «Новой хронологии». «Традиционная наука» вправе не признавать фоменковскую «Новую хронологию», но с тем же успехом и фоменковцы могут не признавать «официальную науку»! По мере развития этих тенденций та наука и то научное сообщество, которое сейчас еще сохраняет определенный монопольный статус, станет только одним из множества равных сообществ. Академия парапсихологии, Академия магии и колдовства и Академия наук будут восприниматься совершенно на равных. Причем такое равенство будет

не эпатажем, как сейчас, а нормой обыденного сознания – так же, как равенство статуса Христианской Церкви с Бажовским обществом почитателей Хозяйки медной горы или коммунистической партии – с партией любителей пива. Эти тенденции совершенно отчетливо проявляются уже сейчас. Стоит вырасти тому поколению, которое воспринимает эту ситуацию как данность с момента вступления в сознательную жизнь – и она станет нормой.

Тотальный контроль

И снова мы возвращаемся к вопросу об архитекторах «Нового Мирового Порядка», к вопросу о целях, реализуемых в рамках данного проекта. Эта цель – тотальный контроль над человеческим индивидуумом (именно индивидуумом, а не личностью – ибо личность попросту уничтожается). Глобальная виртуализация имеет важное следствие: если общество существует в рамках виртуальной реальности, то оно и живет по виртуальным законам, по законам, которые архитекторы этой виртуальной реальности могут менять по своему усмотрению. Если экономика оперирует виртуальными категориями, не связанными с материальными ценностями, то в рамках этой виртуальной экономики не остается естественных ограничений. Тот, кто контролирует правила игры, тот может менять условия реальности по своему усмотрению. Но таким же виртуальным становится и все общественное сознание. Доктрина «истины как соглашения научного сообщества» открывает небывалые возможности для изменения картины мира: представлений о прошлом, о причинно-следственных связях, о законах природы и т.д. Легко понять, что власть сосредотачивается в руках тех, кто контролирует финансовые потоки и средства массового внушения. В руках мировой олигархии сосредотачивается власть, прежде невиданных и невозможных параметров: власть произвольно менять законы и картину мира. В рамках искусственно создаваемого виртуального пространства власть его архитекторов приобретает черты всевластия Бога, абсолютной власти над миром [7]. А поскольку социальная жизнь все более отрывается от настоящей физической реальности и переходит в мир реальности виртуальной, то и сфера всевластия олигархии все более приближается к своей полноте.
В формирование виртуальной реальности вкладываются громадные средства, и было бы вершиной наивности считать, что здесь все ограничивается внутренней экономической логикой индустрии развлечений. Бюджет современных фантастических фильмов достигает астрономических величин. На поток поставлена индустрия литературной продукции в жанре фэнтази, а масштабы и скоординированность рекламных вложений в ее раскрутку не оставляет сомнений в том, что здесь мы имеем дело с целенаправленной акцией, а не со стихийным процессом. Цель очевидна: виртуализация сознания, перевод человека в виртуальную реальность мира фантазии и грез. Причем сам человек воспринимает это бегство от реальности как переход в состояние полной свободы. На этом и основана идея контроля: на иллюзии освобождения. Виртуальный мир грез дает иллюзию полной свободы и власти. Отсюда и очередной всплеск увлечения магией и оккультизмом: в виртуальном пространстве такого рода «чудеса» не только возможны, но и

обыденны. По сути, это состояние, аналогичное наркомании, только без выраженного разрушения физического тела: субъективное ощущение полной свободы при объективной абсолютной зависимости и манипулируемости [8].

В этой связи мы можем оценить и многочисленные субкультуры, природой которых стало существование в формате вымышленных миров или вымышленного прошлого (ролевики, реконструкторы, контактеры, неоязыческие общины), и псевдорелигиозные культы по мотивам художественных произведений (фэнтази Толкина, сказок Бажова, фантастики Херберта, фильмов Лукаса), и псевдо-этнические движения, создающие виртуальные симулякры экзотических культур (японисты, кельтисты, индеанисты, последователи Карлоса Кастанеды). Суть во всех случаях одна – уход в фантастическую реальность, в виртуальный мир, каким бы он ни был. Нет принципиальной разницы, в каком именно антураже построена виртуальная резервация: Средиземье Толкина и столь же фантастическая Светлорусь неоязычников, виртуальность современных компьютерных игр и психоделика хиппи или кастанедианцев – это уже исключительно вопрос вкуса [9]. Что именно грезится наркоману, мало интересует наркодилера. Важно только надежно посадить на наркотик. Важно, чтобы, выбрав себе по вкусу виртуальную резервацию, объекты контроля не стремились ее покинуть и сами сопротивлялись любым попыткам их оттуда вытащить. Такая система контроля оказывается в высшей степени стабильной, ибо опирается на внутреннее желание рабов быть рабами.

Основа власти манипуляторов – отсутствие критичности восприятия. Объект манипуляции не должен иметь целостной картины мира, собственной **системы** взглядов и собственной иерархии ценностей. Цельная (тоталитарная) личность плохо поддается контролю, недаром Ленин связывал оппортунизм с отсутствием цельной мировоззренческой картины мира. Человек, обладающий цельным мировоззрением, неминуемо начинает выстраивать свою жизнь и окружающую реальность в соответствии с собственным проектом, с собственной системой взглядов и ценностей. Тем самым он не только сам выходит из-под контроля манипуляторов, но и выводит из-под него свое окружающее социальное пространство.

Поэтому одна из фундаментальных задач манипуляторов состоит в целенаправленном разрушении не только всех традиционных социальных структур, но и личности как таковой. Эти задачи взаимосвязаны, ибо ядро личности формируется именно в ходе воспитания в традиционных социальных институтах (начиная с семьи и заканчивая нацией). Та мифологема «демократии», посредством которой осуществлялось целенаправленное разложение традиционной структуры общества, теперь переносится внутрь самой личности. И здесь мы видим объяснение всей совокупности отмеченных нами черт постмодерна. Целенаправленное разрушение всех систем координат – религиозно-догматических, онтологических, гносеологических, аксиологических, этических и эстетических – именно и означает разрушение ядра личности. Архитектоника постмодернистского индивидуума несет ту же идею, что и архитектура постмодернистского ансамбля: принцип отсутствующего центра. Такой индивидуум не только не будет, но и в принципе не способен сопротивляться

манипулированию: ему **нечем и незачем** сопротивляться, за неимением собственного личностного ядра и собственных внутренних целей. Постмодернистский индивидуум точно так же лишен внутреннего смысла и определяется исключительно контекстом, как и постмодернистское произведение – контекстом той виртуальной матрицы, в которой он существует.

Ложные альтернативы

Каков же выход? Возможно ли сопротивление, если развитие событий и их исход столь закономерны? Как известно, любая сложная задача имеет очевидное простое неправильное решение. Вот именно эти простые неправильные решения и есть смысл рассмотреть.

1. **Сопротивление постмодернизму с опорой на парадигмы модерна**. Своего рода «модернистский консерватизм». Ярче всего эта тенденция просматривается в науке, когда академическое сообщество, интуитивно чувствуя распад фундаментальной науки и торжество воинствующего дилетантизма, но не решаясь докопаться до цивилизационных основ и причин этих процессов, судорожно хватается за ушедшие в прошлое рационалистские, эмпиристские и позитивистские парадигмы.

В политической идеологии аналогичное явление представляет широко известный доклад Умберто Эко «Вечный фашизм». Подсознательно чувствуя прямое генетическое родство фашизма с нью-эйджевским синкретизмом и иррационализмом, знаменитый писатель не находит ничего умнее, как отождествить этот синкретизм с традиционализмом и призвать к опоре на парадигмы Просвещения и рационализма, к идеалу парламентской демократии. Между тем, как было уже показано нами выше, именно закономерное развитие тенденций Просвещения само исчерпало себя и привело к актуальному состоянию псевдо- (и анти-) традиционалистского иррационализма.

В целом же достаточно сказать, что бесперспективно бороться с кризисом, опираясь на парадигмы, которые этот кризис породили.

2. **Сектантский ультратрадиционализм**. В настоящей работе мы уже дважды с разных сторон рассматривали эту проблему. Суть в том, что утрированный и ультрарадикальный традиционализм (в том числе даже и православный) сам становится в ряде случаев постмодернистским симулякром. Вовлекаясь в постисторическое реконструирование ушедших исторических форм, он создает виртуальную матрицу явления, при полном разрыве с внутренней сутью и содержанием подлинной Традиции. В итоге возникает лишь еще одна ниша-ловушка в общей структуре матрицы – специально для любителей традиционности. Увы, примеров такого рода достаточно.

Еще более негативный пример – это вполне постмодернистские по своей сути синкретические проекты под маской крайнего традиционализма. В качестве примера можно отметить проект «Арктогея» А.Г. Дугина, который под знаменем очищения Православия от модернизма дошел до тесного союза с телемитами и хасидами.

3. **Альтерглобализм**. Мировое т.н. «антиглобалистское» движение, хорошо известное по массовым и шумным акциям протеста на самом

деле не только не является антиглобалистским, но само себя так и не именует и не позиционирует – это название приписала ему пресса. Сами представители этого движения называют себя «новым антикорпоративным (или антикапиталистическим) движением» или «движением за глобальную демократизацию» (ДГД). ДГД не выступало и не выступает против глобализации как таковой. Будучи последовательно «левым» (в европейском смысле, то есть анти-традиционалистским) проектом, ДГД относится совершенно лояльно к процессам размыва национальных границ и создания единого мирового рынка товаров, услуг и рабочей силы, и выступает лишь против олигархической формы глобализации, против конкретных форм и конкретных частных структур Нового Мирового Порядка. ДГД представляет собой сетевую структуру, неформальную и пеструю коалицию самых различных сил и организаций, каждая из которых возникла как ответ на то или иное частное проявление глобализации. Например, идейный базис наиболее известной «антиглобалистской» организации – французской ATTAK исчерпывается требованием введения 0,1% налога на финансовые операции, что должно привести к определенному перераспределению капитала за счет спекулятивной сферы в пользу производственной и, тем самым, снизить безработицу в Европе, связанную с оттоком производства в страны с дешевой рабочей силой.

Не имея и не выдвигая принципиальной цивилизационной антитезы, ДГД является скорее не анти-, а альтерглобалистским движением, альтернативной версией – более «левой», уравнительной и демократической – того же самого глобалистского проекта. Альтерглобализм не ставит под сомнение сущность постмодернистской цивилизации – индивидуалистический антропоцентризм (гуманизм), разрушение канонов, релятивизацию онтологических, эстетических и этических категорий, атомизацию общества. В определенном смысле он даже более радикален в своем антитрадиционализме по сравнению с консервативной натовской или «американо-республиканской» версией глобализма. Сочетающий в себе радикальный демократический эгалитаризм и характерный для европейских «левых» либертаризм (права сексуальных меньшинств, равенство полов, идеи «сексуальной революции», легализации наркотиков, права на эвтаназию и т.д.) со стихийным экологизмом и, зачастую, нетрадиционной религиозностью (в духе New Age), альтерглобализм радикально деструктивен по отношению к последним сохранившимся традиционным социальным институтам – семье, церкви, национальной государственности. Следовательно, объективно он работает на атомизацию общества и на усиление власти, основанной на теневой манипуляции сознанием. Выявляя и нивелируя наиболее конфликтные частные детали глобалистского проекта и не ставя под удар его ключевые парадигмы, альтерглобализм объективно способствует стабилизации генерального курса Мирового правительства и коррекции потенциально опасных для этого курса перекосов.

Нетрудно обнаружить с одной стороны принципиальное единство позиций альтерглобализма со стратегическими разработками Римского клуба, а с другой – его прямое генетическое родство с европейскими студенческими революциями, инспирированность которых мировой закулисой теперь уже совершенно очевидна и не вызывает сомнений.

4. **Терроризм**. В условиях полного контроля системы над средствами внушения и манипулирования сознаем, выхолащивания всех легальных политических институтов и превращения их в пародию, одним из мощнейших каналов сопротивления может показаться прямой террор. Действительно, структура Системы такова, что она не может не отреагировать на акт террора. В итоге ее же коммуникативные каналы оказываются работающими на террориста: создают тот максимальный общественный резонанс, ради которого и были задуманы. К тому же терроризм представляет собой своего рода асимметричный ответ – способ эффективно вести войну без вложения значительных финансовых средств и без собственного доступа к коммуникативным каналам. В контексте доктрины «войн шестого поколения» это решение представляется оптимальным. Достаточно вспомнить интенсивность мирового резонанса на теракт 11 сентября 2001 года в США.
Однако если внимательно присмотреться к последствиям этого террористического акта, несложно заметить, что они оказались исключительно выгодны для геополитических интересов США, а, говоря точнее, мирового правительства, использующего США как основное орудие утверждения своей абсолютной и универсальной власти в мире. То же самое мы можем наблюдать в отношении многолетней чеченской компании, которая в итоге неизменно поддерживает рейтинг президента Путина на недосягаемой для конкурентов высоте, притом, что его политика откровенно антинациональна и продолжает все негативные тенденции ельцинской эпохи. Тем не менее, страх перед терроризмом каждый раз заставляет население сбиваться вокруг режима, в поисках защиты добровольно отказываясь от своих прав и свобод. В США ситуация аналогична: такое ограничении прав личности (от электронно-цифровых документов до права спецслужб на контроль за личной перепиской и даже на внесудебные убийства) вызвал бы колоссальное общественное сопротивление если бы не нагнетаемая угроза терроризма.
Отсюда вовсе не следует, что рядовые террористы-смертники и даже их командиры напрямую контролируются спецслужбами. Вовсе нет. Отсюда лишь следует, что интересы террористов принципиально совпадают с интересами Системы [10]. Или, вернее будет сказать, что, реализуя на тактическом уровне свои собственные задачи и интересы, на стратегическом уровне терроризм служит интересам Системы – созданию атмосферы страха и неуверенности и легитимизации наращивания контроля над частной жизнью. В свете этого рассуждения совсем иную окраску приобретает пресловутая «беззащитность» информационных каналов Системы, которой якобы столь эффективно пользуются террористы в борьбе с ней самой.
Этот обзор вовсе не претендует на полноту и систематичность анализа возможных ложных альтернатив. Мы лишь выделили четыре наиболее ярких и характерных примера. В рамках данной работы (и в соответствии с ее задачами) этого достаточно.

Заключение

Так каков же вывод? Читатель может задать правомерный вопрос: а что же, собственно, предлагаем мы? Существует ли путь сопротивления или показанная выше закономерность есть детерминизм истории,

перед которым можно только капитулировать?
На это мы, во-первых, заметим, что польза от сложных вопросов часто существенно превосходит пользу от простых ответов. Мы имели намерение побудить читателя к поиску собственного пути, собственных ответов, собственных мировоззренческих основ. Слишком контролируемы и системны оказываются многочисленные движения, основанные на простых ответах, лозунгах и слоганах – в том числе радикальных и нонконформистских. Власть системы основана на разрушении ядра личности, способности к построению собственной целостной мировоззренческой картины. Мы нисколько не претендуем на измышление очередной оригинальной концепции, прославляющей наше имя (мало кто задумывается над тем, что измышленная «истина» есть ложь, а потому оригинальность теории – сомнительная честь для автора). Мы, напротив, постарались лишь систематически собрать и обобщить то, что и так известно. Мы имели намерение дать читателю более или менее целостную картину и побудить его к собственному осмыслению и свободному выбору. Насколько нам удалась эта задача – судить не нам.
Второе, на что мы хотели бы обратить внимание читателя – это отсутствие детерминизма. Действительно, вся структура деградации и вырождения современной цивилизации была нами представлена как цепочка процессов, жестко детерминированных причинно-следственными связями. Однако напомним, что исходная точка всех описанных процессов – отвержение надчеловеческого уровня реальности, иначе говоря, человекобожие и богоотступничество есть акт свободного выбора как общества в целом, так и отдельной личности. Мы убеждены в том, что единственным надежным фундаментом для сопротивления надвигающейся тьме является Православие – единственная традиционная и неискаженная форма Христианства. Впрочем, в традиционном Исламе мы видим ни в коем случае не цивилизационного врага, но потенциального стратегического союзника.

Мы хотели бы сосредоточить внимание читателя на идее свободы – абсолютной нравственной свободы личности. В наше сознание долго и старательно внедряли идею прогресса, означавшую императив подчинения и следования детерминированной логике развития. Этическая сущность этой парадигмы сводится к формуле «кто сильнее – тот и прав». Именно эта простая формула, прямо противоположная христианской «не в силе Бог, а в правде», и определяет суть всех изысков «философии жизни».

Мы хотели бы напомнить читателю о том, что рано или поздно, но неизбежно он умрет. В данном случае даже не важно, верит ли читатель в Бога и загробную жизнь или не верит. Важно в данном случае то, что в любом случае существование в этой реальности, подчиняющейся логике детерминированных законов, окончится. Тот, кто служит «торжеству прогресса» и логике исторической детерминанты умрет точно так же, как тот, кто против них восстанет. Допустим даже, что на стороне архитекторов мирового порядка логика прогресса, допустим, что их победа исторически предопределена и

неминуема. Следует ли отсюда, что подчинение их власти есть необходимость? Вовсе не следует. Перед лицом смерти очевидна свобода – в том числе свобода принять сторону обреченных. Перед лицом смерти цену имеет только одно – до конца оставаться собой. Перед лицом смерти детерминизм цивилизационного развития тает как мираж. И мы, к счастью, всегда находимся перед лицом неизбежной смерти. Осознание этого факта есть осознание своей подлинной и тотальной свободы.
Если наша вера не всегда зависит от нас самих, то наш выбор – это **наш** выбор. Не обязательно верить в победу для того, чтобы драться. Не обязательно верить в конечное торжество истины для того, чтобы ее отстаивать. Не обязательно верить в воскресение после смерти для того, чтобы оставаться собой до конца земной жизни. Есть и мужество, известное нордическим язычникам – мужество без надежды. Господь наделил свободой и честью не только верующих в Него, но и неверующих.
Сопротивление тьме самоценно вне зависимости от вселенского исхода борьбы. Оно самоценно на уровне отдельной личности, ибо здесь победа тьмы не может быть исторически детерминирована – душа есть пространство свободы. Она была бы пространством свободы даже в том случае, если бы физическая смерть была бы полным концом бытия.
И последнее, на что мы хотели бы обратить внимание читателя – это то, что всемирное падение предсказано в христианском учении. Предсказано не только в самом своем факте, но даже в своих характерных проявлениях [11].

А, значит, по ту сторону контроля манипуляторов есть иной контроль, по ту сторону поражения есть победа, по ту сторону отчаяния есть надежда [12].

Сноски:

1. – «*манипуляция - способ господства путем духовного воздействия на людей через программирование их поведения. Это воздействие направлено на психические структуры человека, осуществляется скрытно и ставит своей задачей изменение мнений, побуждений и целей людей в нужном власти направлении. Уже из этого очень краткого определения становится ясно, что манипуляция сознанием как средство власти возникает только в гражданском обществе, с установлением политического порядка, основанного на представительной демократии*». «*До этого, при «старом режиме», власть не распределялась частицами между гражданами, а концентрировалась у монарха, обладавшего не подвергаемым сомнению правом на господство (и на его главный инструмент - насилие). Как и в любом государстве, власть монарха (или, скажем, генсека) нуждалась в легитимации - приобретении авторитета в массовом сознании. Но она не нуждалась в манипуляции сознанием. Отношения господства при такой власти были основаны на «открытом, без маскировки, императивном воздействии - от насилия, подавления, господства до навязывания, внушения, приказа - с использованием грубого простого принуждения». Иными словами, тиран повелевает, а не манипулирует. Этот факт подчеркивают все исследователи*

манипуляции общественным сознанием, отличая способы воздействия на массы в демократических и авторитарных или тоталитарных режимах» (С.Г. Кара-Мурза

«Манипуляция сознанием»).
2. – Вводимое нами в настоящей работе понятие «плюралистическая репрессивность» может вызвать совершенно законные ассоциации с введенным в оборот Маркузе термином «репрессивная толерантность». Родство этих понятий (и стоящих за ними явлений) очевидно, и именно поэтому есть смысл указать, в чем состоит различие. Под «репрессивной толерантностью» понимается готовность Системы не только терпеть, но даже поощрять всевозможную оппозиционность и маргинальность до тех пор, пока эта оппозиционность остается в рамках заданных самой Системой правил игры, не угрожает основам ее существования, а значит и укрепляет ее за счет создания ложных альтернатив. Вводимое же нами в настоящей работе понятие «плюралистической репрессивности» означает целенаправленное репрессивное подавление и разрушение Системой всякой социальной органичности, всякой целостности, даже на уровне идеи или художественного образа, насильственную фрагментацию и атомизацию сначала до уровня отдельного индивидуума, а затем уже – фрагментацию и самого индивидуального сознания.
3. – Мы не будем сейчас останавливаться на мифе о «шести миллионах» так как здесь на глобально-цивилизационную мифологему тоталитаризма накладывается более частная мифологема, имеющая громадное значение для влиятельного еврейского лобби – как политическое, так и чисто коммерческое. Отсюда и экстремально репрессивный, неоинквизиционный характер защиты этого мифа от рациональной критики. Исследование и разоблачение такого рода частных, вторичных мифологем интересно и важно, но выходит за рамки логики и задач настоящей работы.
4. – Типичный пример такого рода – доклад У. Эко «Вечный фашизм», в котором понятие «фашизма» (ур-фашизма) переносится практически на любую форму традиционализма и социального холизма.
5. – Здесь любопытно обратить внимание на одну примечательную норму поведения, ставшую практически обязательной в сетевом общении (так называемый «нетикет» - сетевой этикет), а именно: к любому своему значимому высказывания, особенно мировоззренческого порядка, добавлять аббревиатуру «ИМХО» (in my humble opinion, т. е. «по моему скромному мнению»). Уже сейчас в сетевом общении игнорирование этого правила воспринимается нередко как нарушение этикета. Есть серьезные основания считать нынешнее «сетевое» сообщество прообразом сетевого общества Нового Мирового Порядка (по мере успехов виртуализации). В этом смысле «имхо» - это хоть и малозначимая сама по себе, но очень характерная черточка. Вполне закономерное развитие идей политкорректности: обязательное включение «имхо» в Символ Веры. (Такие прогнозы могли бы показаться паранойей, если бы уже сейчас не издавали «политкорректных библий» с существенной правкой текста в соответствии с принципами политкорректности).
6. – То есть по сути «вера» станет категорией ролевой игры, которую можно будет менять вместе с игровой ролью. Некоторые современные

молодежные субкультуры подошли к такому состоянию уже вплотную, а по мере взросления их представителей такое ментальное состояние перестанет быть достоянием молодежной субкультуры и начнет свой переход в категорию массового сознания, повседневного мышления. Впрочем, массовое сознание, предельно фрагментированное клипово-коллажной формой подачи всей информации, уже вполне готово к такой мутации.
7. – Круг замкнулся: человекобожие – вот альфа и омега всего падения от Возрождения и Реформации до Нового Мирового Порядка. Начало – в обсуждавшемся нами индивидуалистическом антропоцентризме, отвержении надчеловеческого и надындивидуального уровня бытия. Финал – создание искусственного мира, в котором манипуляторы в полном смысле занимают место Бога.
8. – Опять-таки невозможно не вспомнить фильм «Матрица» братьев Вачовски.
9. – Постмодернистская реальность, как уже отмечалось, построена по матрице карнавала. Любые образы, вырванные из своего контекста и включенные в этот балаган, становятся частью этого хаоса и только увеличивают хаос, любую попытку противопоставить себя этому балагану, система превращает в участие в нем. В этом смысле очень часто радикальное отрицание системы становится лишь альтернативной формой участия в ней. Система такова, что единственный шанс пробиться через толщу шумов – это очень громко крикнуть и своей громкостью (или яркостью) перекрыть фоновый уровень. А единственной формой такого «крика» становится эпатаж – заявление о себе в «ультрарадикальных» экстравагантных формах. Только такой «крик» оказывается услышан и воспринят. А дальше вступает в дело своя присущая процессу логика, когда таким образом взятая маска превращается в элемент общего карнавала и пародию. По этому принципу система эффективно превращает нонконформистские группы (будь то православные ультраконсерваторы, националисты, монархисты или марксисты) в точно такие же резервации, существующие в виртуальном (а значит и контролируемом) пространстве своих мифологем. Например, казаки или ультраправославные «опричники» в современном городе воспринимаются ровно в том же формате, что и толкинисты в «эльфийских» плащах.
10. – Частный пример – недавнее убийство президента Чеченской республики Ахмада Кадырова. Очевидно, что выгодно оно было сразу трем силам: 1. Мировому терроризму – ибо задает новый виток эскалации насилия в Чечне, а, значит и актуализирует терроризм. Не будем забывать, что терроризм – это ко всему прочему колоссальный бизнес. 2. Путинскому режиму – ибо опять-таки создает очаг конфликта, на котором и держится высокий рейтинг. Плюс легитимизация «антиэкстремистских» полномочий органов подавления, которые можно обратить против любой потенциально опасной для режима политической силы. Плюс устранение достаточно самостоятельного и не вполне контролируемого регионального лидера. 3. И, наконец, США и мировой олигархии, заинтересованной в эскалации конфликта. Как минимум этим достигается перераспределение геополитических сил на Кавказе. Как максимум – Россия и Исламский мир втягиваются в цивилизационное

противостояние, разрушительное для обеих сторон и потому так выгодное мировому правительству. Итого: интересы всех трех сторон закономерно совпали. При таком раскладе режиму даже нет надобности напрямую контролировать через внедренную агентуру террористические структуры – достаточно контролировать процесс в целом.
11. – В частности слова Апокалипсиса: «*И он сделает то, что всем, малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам, положено будет начертание на правую руку их или на чело их, и что никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет это начертание, или имя зверя, или число имени его. Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть*» (13:16-18). Система электронной идентификации личности и присвоения личных номеров в сочетании с тремя ритуальными шестерками штрих-кода и уже реализуемой в ряде стран практикой подкожного вживления микрочипов в области лба или в правую ладонь вполне ясно соответствует предсказанию Библии. Примечательно, что принудительность присвоения номеров, а в дальнейшем вживления микрочипов прямо связана с возможностью использования банковской карточки – то есть с возможностью покупать и продавать.
12. – «*Эсхатологическая этика (которую Шарль Пеги, называл “этикой героического пессимизма”) знает, что в плане земной истории христианство проиграет. Но речь идет о защите некоей метаисторической истины. И потому рыночная эффективность (что я с этого буду иметь?) — не последний критерий. И количество газетных батальонов и университетских когорт, мобилизованных пророками новой религии “веротерпимости” — не последний аргумент. Впрочем, рассуждениями на апокалиптическую тему я всего лишь пробую пояснить свою убежденность, что за теософией и оккультизмом (пусть даже в иных формах и с иными самоназваниями) — будущее. Другое дело, что я придерживаюсь той же позиции, что и профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии архим. Михаил, который, в годы первой мировой войны, обращаясь к материалистам и атеистам в своей публичной лекции, говорил: “Вы победите, но после всех победителей победит Христос”. Или, как о том же сказал Анри де Любак: “Нам не было поручено сделать так, чтобы истина восторжествовала. Нам было поручено всего лишь, свидетельствовать о ней”. Кстати, греческое слово “martiros”, буквально значащее “свидетель”, в русский язык вошло как — “мученик”, ибо именно так — “свидетелями” — называли в Древней Церкви людей, принимавших смерть за свою веру*» (диакон Андрей Кураев «О нашем поражении»).

Сергей А. Строев

Участник Rambler's TOP 100

© Интернет против Телеэкрана, 2002-2004
Перепечатка материалов приветствуется со ссылкой на contr-tv.ru

E-mail: info@contrtv.ru